

М
И
К
Р
О
Я
И
И
Т
И

МИКРОДИТ № 2

г. Гулькевичи
2010

Главный редактор: Иван Кротов
Заместитель редактора: Игорь Васильев

Редколлегия: Анна Мамаенко
Александр Мартусенко

Творческий совет: Иван Карасев
Андрей Атоян

Верстка: Иван Кротов

На обложке использована работа художника Александра Левченко “Песни осеннего леса”.

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96,
ТО «Ладомир». e-mail: ladomir_gul@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

Уважаемый читатель!

Вот вы и держите в своих руках второй номер альманаха «Микролит». Миниатюрные литературные формы свойственны далеко не только Востоку. Они абсолютно органичны и для русской культуры. Ёмкость и лаконичность свойственны русскому языку в огромной степени. Так было в старину, когда рождались знаменитые поговорки и поговорки. Так было и при переходе к Новому времени, когда родилась частушка.

Тем более краткость востребована русскоязычными авторами сейчас, в век Интернета. Как говорится: «краткость – сестра таланта». Давайте же убедимся в этом сами.

Рис. С. Матушкина “Музыка для глаз”

Рис. И. Карасева “Лебедь”

Кто сказал, что хайбун по-русски невозможен? Что он тяготеет исключительно к традиционным восточным формам, а русской словесности не свойственно желание дополнить прозу стихами? Представляем вам двух авторов старшего поколения, которым не чуждо желание попробовать себя в малых формах.

Галина Сергеевна Эрдели - живёт и работает в г. Воронеже, участница Великой Отечественной войны. Автор книг: «Прошлое всегда рядом», «Люди и растения в моей жизни», «Запахи земли», «Раздумья». В своих книгах предстаёт и учёным, и писателем, и философом. Прочитав её книги, незаметно оказываешься в сотворчестве с автором. Так и возник цикл рассказов и стихотворений под названием «Переключка. Воронеж Кубань».

И. Дудин

Галина Эрдели, Иван Дудин

Переключка. Воронеж – Кубань.

Красота спасёт мир

В последние годы нас пытаются уверить: «Красота спасёт мир». Ой, ли? Так ли это просто? Я вспоминаю:

Как-то ранней весной в узкой, метра два шириной, протоке, ловили сетью плотву. Летом здесь будет темно, но пока ещё безлистные ветви ольхи, смыкаясь над головой, не давали тени.

Сеть ввели с двух сторон протоки и на траву высыпали богатый улов.

Когда говорят: «Красота спасёт мир», вижу на яркой зелени блестящую под солнцем серебристую живую грудку рыбы...

Спасёт ли мир такая красота?

Не могу вспомнить, было это под Ялуторовском или на юге Кировской области, в середине пятидесятых годов. На рассвете, вместе с соседками деревни Емуртла, отправилась я за лесным урожаем.

Прошли мы полем, лугом и вошли в сосновый бор поразительной, сказочной красоты! *Берендеев лес* – иного названия я бы не смогла ему дать: стволы высоких сосен, довольно близко растущих друг к другу, украшали гирлянды лишайников.

Начинаясь высоко, почти у самых вершин, они клоками спускались вниз. Длинные, серо – зелёные *бороды* доходили до земли, обильно висели на каждом дереве. Лес выглядел необычайно, таинственно красивым. Но, если всмотреться, можно было заметить, как тяжело деревьям и как они страдают. Тонкие, не золотистые, а серые, стволы медленно умирали от обилия своих сожителей.

Когда слышу, что красота спасёт мир, я вспоминаю и *Берендеев лес*.

И ещё к тезису о красоте:

Это было в Воронеже 14 октября 1976 года. В этот год стояла тёплая, сырая осень – постоянно шли мелкие дожди, было тихо, пасмурно, серо. Ещё вечером ничто не предвещало изменений. А утром, четырнадцатого, показалось, что это либо сон, либо сказка – такого на самом деле не бывает: на голубом, без облачка, небе сияло солнце, а на земле всё искрилось, - ночью мороз превратил воду в лёд.

Из-за обилия дождей и тепла ещё не было листопада. Насыщенные влагой зелёные листья покрылись плёнкой льда, блестели и шелестели, как металлические. Блестели крыши, провода, трава, тротуары, дорога – всё переливалось под солнцем радужными красками.

Но... Не выдержав тяжести, рвались провода, ломались ветви деревьев...

Много забот людям и бед деревьям принесла эта сказочная красота.

А однажды по телевизору показали заставку между программами и рекламой. – На экране не менее минуты крупным планом белая бабочка – капустница на рыхлом снегу.

В сочетании красок это казалось необычно и очень красиво. Но по тому, как бабочка перебирала тонкими лапками на ноздреватом снегу, было видно, что ей больно.

Заставка шла без комментариев, так иногда показывают крупным планом цветы, чтобы показать их красоту, полюбоваться.

Нет, красота для глаз, без сердца – страшная красота.

Не красота – мир спасёт любовь, по крайней мере, способность опереживать...

Красота спасёт мир

Кто-то всё за всех решает –

Надо быть к словам поостроже...

Красота мир украшает,

Но спасти его не сможет.

*Лишь борьба
и честный труд
Миру сгинуть не дадут.
Красота больна сама,
Вместе с миром угасает...
И тому примеров тьма –
Красоту любовь спасёт.*

Мы все – частицы звёзд. Мы все – из звёздной пыли. Мы все водой, травой и солнцем рождены.

Мы – дети солнца
*Мы все – частицы звёзд.
Мы все – из звёздной пыли.
Мы все водой, травой
и Солнцем рождены.
Путь в миллиарды вёрст
Ползли, летели, плыли –
Судьбою
или богом суждены.
В чём жизни суть?
Так кто же мы?
Мы – дети Солнца,
а не тьмы!*

Мы говорим: «Дети – цветы нашей жизни», забывая: поставленные в хрустальную вазу, цветы не дают плодов.

Дети – цветы жизни
*«Цветы нашей жизни – дети!»
Все знают красивую фразу.
Пусть так,
но цветочки эти
Не ставьте
в хрустальную вазу.*

*На жизнь
повнимательней глянем:
Цветам хорошо – на поляне!*

Записки простака. Кубанский хайбун.

Взгляд босиком.

Говорят, в далёкой Африке люди едят суп руками. Не от бедности или дикости, нет. А чтобы получать удовольствие от еды всеми чувствами, включая осязание. В этой традиции заключена какая-то особая, бесхитростная мудрость.

Вот и мне кажется, что жизнь это такая штука, по которой для полноты ощущения следует брести босиком. Только так, опробывая дорогу босыми ступнями, чувствуя в ней все камешки и выбоины, обжигаясь горячим асфальтом, оскальзываясь на прохладных речных перекатах, натываясь на спрятанное в пыли стекло, чувствуешь, что ты – жив.

Те, кто измеряет движение вперёд по степени проседания зада на подушках в дорогой карете/иномарке, слишком поздно замечают парковку.

*Босым, как Басё,
Пройдусь по стерне
Этой жизни.
Неузнанный,
Без поклажи...*

Воспоминание о лете.

Замирает жизнь на Кубани в июле. Небо выцвело, как Наташкины джинсы. Воздух сух, словно лекция по историческому материализму. Даже летние кафе полупусты. Только присутственные места привычно забиты народом, истекающим потом и желчью. Люди, вынужденные наносить визиты государству, раздражённо вздыхают, преисполненные осознания бесцельно потраченного времени. И кажется - вся жизнь здесь, в рабстве. И только Парменид, стоящий в сторонке, лениво жуёт соломинку и улыбается. Он давно знает/знал, что мир похож на большой шар из янтаря.

Пармениду смешно: не бывает времени потраченного впустую – время, субстанция неотделимая от нашего существа. Ведь не скажешь: рука была зря? Вдохи и выдохи; запахи и звуки; непередаваемое ощущение собственного бытия. Парменид, по-дружески объясняет тебе: “загляни в июль: летний день недвижим, словно патока или янтарь. И в этой расплавленной смоле навеки застыли кособокие лавочки у подъезда, утомлённые зноем цветы, сохнувшие на балконе Наташкины джинсы.

Вглядись, и ты увидишь, как замерли в полёте птичьи крылья ...

Всё оно здесь и всё - рядом. И ты всегда можешь заглянуть сюда на часок, чтобы снова испытать чувство радости, которая постоянно рядом, ощутить вечный зной твоего лета и сравнить цвет неба с цветом застиранных джинсов”...

Ты чувствуешь взмокшей спиной, что Парменид прав. Но Сизиф, засевавший внутри тебя, упрямо шепчет: “надо катить этот шар дальше!”

*Томительный полдень.
Полёт бабочки-однодневки
Всё длится... длится...*

Меловые люди.

Меловые люди стремительно проносятся вдаль, с воем моторов и скрежетом тормозов. Грубая музыка скорости очаровывает и подчиняет их. И птицы над ними слетают в траву, сбитые свистом рассекаемого воздуха. А кто-то всё пишет по школьной доске судьбы крошащимся мелом и кусок в его руке на глазах истончается. Но гонщик торопится, не думая о том, что след на асфальте может стать линией его жизни, наглядным уроком кому-то другому. Он не видит, как из пальцев пишущего выскальзывает последний кусочек...

Вот и всё. Остаётся лишь контур на дороге, очерченный мелом – короткое резюме. И красная клякса – последняя точка. Деловитые люди с рулеткой ходят вокруг, замеряя оставленный след. А призрачный гонщик несётся всё дальше, не замечая собственного финиша.

*Меловой силуэт,
Осыпан лепестками.
Кто-то скажет: «красиво!»,
А я – усомнюсь.*

Кошелёк из кожи.

На днях мы заговорили дома о свойствах человеческой кожи, и мама рассказала такую историю: «Дядя Коля по прозвищу «Гром» вернувшись с войны в Рубцовку*, привёз домой кошелёк из человеческой кожи. Красивый такой, мягкий. Хозяйственные немцы изготавливали их в концлагерях. Дядя Коля показывал его своим знакомым и говорил: «вот что фашисты хотели сделать с нашим народом». Все смотрели на кошелёк и плакали»...

*город Рубцовск, Алтайского края.

АЦТЕКСКИЕ СТИХИ

Как ни странно, жители Мексики тоже писали стихи и тяготели к малым формам.

**Несауалькойотль,
правитель города
Тескоко (XVв.)**

Уходим мы среди цветов:
Так как должны
Оставить эту землю,
Где были лишь на время
Одолжены друг другу...

**Стихи, приписываемые
Кецалькоатлю.**

Приглашение к застолью.

О, ты, Кецальпетатль,
Сестра моя,
Куда отправилась в рабочий
день?
Напьемся же теперь.
Ай-ай-ай!

Покаяние.

Ещё меня считала
Она, наша мать –
Богиня в юбке из змей,
Своим сыном.
Теперь я плачу.

Горестная.

Мой домик, свитый из
перьев кецалья,
Из жёлтеньких перьев
птички-трупьяла,
Мой домик, сплётённый из
веток коралла,
Покину я вскоре.
Ай, какой я! Ай-ай-ай!

Рис. И. Карасева “Марионетки”

Игорь Васильев

Привет Шарлю Бодлеру.

Увы, не вечен
Полёт альбатроса.
Надо садиться.
Уже ждут,
Облизываясь, шакалы.

Словно тушки
Издохших кур
Букеты цветов

Пурпурные цветы
В короткую оттепель.
Успеть рассыпаться
Семенами. Обидно
Замёрзнуть раньше.

31 октября.

В тумане виснут
Вялые фонари.
Ночь у горла.

Светлана Зобова

**Небо, вытканное зарёю
Висит у меня на окне....
Утро!**

Юлия Бондаренко

Звон бокалов
Под шум дождя.
Новогодняя ночь...

Новый год.
Не вспугни своё
Тихое счастье.

Игорь Онищенко

**Что русскому
хорошо-**

**То ему
и смерть...**

Камень срежет коса.
Человеки
поплывут по реке
на крестах,
как на лодках...

Нас на войну
так долго
провожали,
Что в поезде
стояла тишина...

Роман Литвиненко

Раннее утро.
Туман окутал меня.
Теперь куда спешить?

Будто нож
Пронзила степь
Серая дорога...

Диск солнца
Опустился в тёмную ночь.
Чай с лимоном!

САКУРА В БЕРЁЗОВОЙ РОЩЕ

По материалам интернет-сообществ

Японский сонет – взгляд со стороны.

С момента появления «японского сонета» сетевое пространство полнится самыми разнообразными высказываниями по этому поводу. Многие из них напоминают классическую триаду, предложенную Бальзаком в романе «Обманутые ожидания»: одна статья похвальная, другая – ругательная, а третья – как бы объективная. Порой высказываются довольно резкие суждения. Для человека, не являющегося завсегдатаем форумов и блогов, эти баталии кажутся порой весьма... забавными. Сев под собственным деревом бодки так занятно понаблюдать за чужими спорами!

Песнь первая: ab ovo.

Кушайте, не обляпайтесь!

Японский сонет-рэнга, или «альбомный» сонет в восточном духе – существует около четырёх лет. Состоит из двух частей (2 хокку + 4 строчки, являющиеся, по сути, двумя связанными между собой по смыслу двустишиями; некоторые критики называют их «катреном»), которые подразумевают право на самостоятельное существование каждого хокку, и в тоже время неотделимость их друг от друга в контексте произведения. Сейчас Японский сонет развивается в двух направлениях – «канонический», с количеством слогов 5-7-5 для хокку и 7-5-7-5 для четверостишия (ударные 1-4-7 слоги) и «свободный», или сонеты «вне канона» - более близкие к переводной японской поэзии.

По сути, ЯС – сочетание не сочетаемого: Востока и Запада, которым, как известно, вместе не сойтись. Но ведь сошлись! Скрещивание восточной и европейских традиций в литературе привело к возникновению любопытного гибрида. Придумана альтернатива, которая разрешает и помогает охочим, грубо говоря, писать, как японцы. Хотя и не иероглифами. Суть – в перевоплощении, на которое автор должен решиться, чтобы почувствовать особенность стиля, приноровиться замедлять течение речи, приглушать звучание пульса и размеренно, даже отвлеченно, думать.

Сонет для европейца – образец лирического произведения. В нем всегда соблюдается четкость границ, но наполненность эмоциональными и чувственными мотивами до незаметности забивает эту строгость. Порыв, нерв, вспышка или мучительно сдерживаемое чувство нередко дают

импульс, и слова сливаются в раскрепощенности строк, экспрессия (любого цвета и тональности) преследует содержание, отбрасывает тень или накрывает лавиной.

А японская поэзия спокойнее, меланхоличнее, она не вымогает, не жалуется, не проклинает. Поэт лицезрит мир и себя в нем с философской пронизательностью и плавной грустью рисует картины, за которые ему не будет потом неловко. *Горячая роса с инеем соединились.*

Одной из отличительных особенностей современной поэтической литературы является её интеллектуализация. Одной из самых удивительных интеллектуальных игр в поэзии последних двух лет стало создание японского сонета - формы, которую называют “лабораторной”, “искусственной”, “оранжерейной”. Но тем не менее сотни авторов самого разного уровня с видимым удовольствием включились в эту гигантскую по масштабам игру. Японский сонет окончательно откристаллизовался как точная “псевдовосточная” форма с весьма жёстким каноном и ювелирной техникой письма...

Его становление стремительно происходило в несколько этапов: от одиночных лабораторных экспериментов “нанизывания” хайку в творчестве И. Бурдонова (2003) до окончательного установления канонов весьма причудливых форм и конструкций у Отоги Боко...

Песнь вторая: хулительная.

Всё, что не моё – плохо.

Есть мнение, что твёрдые формы не очень органичны для русской поэзии. Они хорошо себя чувствуют на нашей почве лишь в жанре поэтического перевода. Тут нам равных попросту нет - ни одна другая литература не создала такой богатой традиции передачи и адаптации любых иноязычных форм и размеров. Поэтому было бы несправедливо утверждать, будто органичный сонет (или рондель, триолет, виреле, газель, хокку, лимерик) на русском языке невозможен. Однако твёрдые формы в русской поэзии, созданные не как переводы или стилизации, в большинстве своём производят впечатление несколько искусственных, даже если написаны виртуозно с точки зрения техники и безупречно в смысловом отношении. И дело тут, видимо, заключается не в сопротивлении заимствованной формы нашему языковому материалу и его интонационному строю, а во внутреннем, подчас неосознаваемом, нежелании нашего разума не просто подчиниться канону, но делать это легко и естественно (как легко и естественно англичанин, которого вы ненароком задели на улице, первый скажет вам “sorry”).

Следовать японскому прообразу, где каждый слог может обозначать

почти самодостаточное понятие, на русском языке невозможно. Мы просто не мыслим слогами, за исключением междометий и местоимений. Но ведь, считая слоги, приходится учитывать и их наполнение, как фонетическое, так и чисто визуальное! Возьмем пятисложник, начинающий некое потенциальное хокку. “Вдруг взмыла птица”...

Формально - возможно, по сути - нет: нагромождение согласных сразу же убивает образ полёта. Птица получается грузная, шумная и неуклюжая. “Взлетела птица” или “Птица взлетела” - немногим лучше: звучит слишком нейтрально, есть констатация факта, но нет образа. А собственно, о какой птице идет речь? Если поэт сумеет ее разглядеть, он, быть может, найдет и

подходящие слова. Крошечная она или огромная, вспорхнула она почти беззвучно или с криком и грохотом, был ли причиной внезапного взлёта испуг или поединок с соперником... Точность и самодисциплина. Это то, что нам обычно не нравится. Но без чего невозможны ни сборка микропроцессоров, ни игра в шахматы, ни написание японских стихов.

Наши представления о других странах и культурах зачастую столь же диковинны и далеки от реальности, как и представления об «эльфийских землях». Но это и не важно: главное – мы «знаем» (точнее, думаем, будто знаем) как всё это должно выглядеть. Поэтому в виртуально-поэтической – российской – Японии всё возможно.

Песнь третья: хвалебная.

«Не бойтесь, дети! Бельё не американское – наше, русское!»

Из фильма «Республика ШКИД»

Всякое новое проходит стадию обругания, неприятия. Современная русская литература (светская) существует примерно с середины 18 века. Те же танка в сложившемся виде существуют как минимум 1200 лет. Сонет – около восьмисот. Поэтому непонятно, чего хотят критики от только-только зародившегося жанра.

Миниатюрность формы японского сонета вроде бы вызывает к самодостаточности. В десяти строчках можно сказать всё. Но пресловутая величественность содержания вызывает к продолжению и отражению одного в другом и к выстраиванию связей второго порядка, образующих некий свертхтекст. Отсюда - интуитивная тяга к созданию циклов или диалогических цепочек. Процесс может быть почти бесконечным, поскольку

Рис. И. Кротова “Хула”

никаких естественных ограничителей у него нет. Всё, как в блоге или на сетевом форуме, зависит лишь от желания пишущего или его собеседников. Кто-то отзовется на первое хокку, кто-то на второе, кого-то живо заденет концовка... Визуально всё это напоминает размножение делением, свойственное простым организмам или органическим веществам. Но ведь микромир для обитающих внутри его является макромиром.

К тому же естественная история учит: гигантские существа вымирают, мелкие - благополучно здравствуют, а истончившихся до невидимости не берет ни радиация, ни антарктический холод.

В наступающий ледниковый период микробы поэзии, вытравленные из нашей реальности, успешно размножаются в заповеднике под названием "японский сонет". Вкус чуть-чуть отдает гидропоникой. Так ведь не нафталином же! Да, мутанты. Но - свежие.

Ситуации с "японским сонетом" доходили до анекдотических. Можно было услышать литературную полемику приблизительно такого содержания:

- Как ты можешь писать японский сонет, если не знаешь японского языка???

- Для того, чтобы написать японский сонет, нужно в совершенстве знать **РУССКИЙ** язык!

И впрямь: сочинение японского сонета требует не только высочайшей техники исполнения, но и своеобразного состояния сознания, особой тонкости восприятия окружающего мира... Впрочем, японский сонет - как эксперимент в художественно-смысловом поле современного поэтического языка - открыл новые грани и технические приёмы работы со словом-образом в области художественной выразительности. А ещё он убедительно доказал: если за дело берётся мастер, любой жанр, даже самый фантастический, обретает естественность и законченность...

Вопреки мрачным прогнозам некоторых критиков интерес и авторов, и читателей (посмотрите, что делается в блогах, в среде обыкновенных читателей!) к "квази-японской теме" в русской поэтической литературе 21 века не только не угасает, но и усиливается. Возникают кружевные формы "сонетов-бабочек", "двойных", "тройных" сонетов, венков сонетов - вплоть до создания коллективных произведений. Его увлечённо изучают как русские, так и зарубежные (в том числе и японские) филологи. Японский сонет уже переводят с русского на европейские языки.

И думается, впереди у японского сонета ещё довольно длинная история!

Говорят, самое остроумное событие в истории развития этого жанра, который злопыхатели литературы называют “бездумным тиражированием яиц Фаберже” - это то, что японский сонет, наконец-то, сочинил... японец Катояси Тимидзо - профессор, отделение русского языка, факультета иностранных языков университета Дзёти, Япония).

Лариса Кириллина

Богдан Глазов

Аквариум пуст.

Золотые рыбки слов
отпущены в пруд.

Зимородок - изумруд,
лазурь и ртуть -
поджидая добычу,
зорко смотрит вглубь.

Дом заперт на ключ.
В нем ни хозяев, ни слуг.
Он - есть. И ты - будь.

Сергей Несин

Кончилась ночь!
Солнечный луч заглянул
Вглубь кошелёчка.

Утро плаксиво...
Лихо вчера я гульнул!
Хочется пива.

Дворник, довольный собой, -
Местное диво,
Вот он лениво,
Всё же поплёлся к ларьку...

Рис. И. Карасева “Тень”

Пирр. Битва при Аскуле.

Поле пустое.
Каркает ворон, и кровь
В землю впиталась.

Чувство плохое.
Лошадь и двое бойцов –
Всё, что осталось.

Смерти наелся, как зверь,
Хоть не обедай.
«Что же мне делать теперь
С этой победой?»

Светлана Осева

Троя.

Ключик от тайны
Спрячет в остывшей золе
Огненный ангел.

Эхо растает,
Вечности каменный след
Воды укроют.

Колокола атлантид
Над океаном –
Солнце сжимает в горсти
Мёртвая Троя.

Ё. Ё.

Вечер

Сломаны сказки.
Стали короткими дни,
Длинными тени.

Бабочку в маске
Вечер рисует в сени
Диких растений.

Татуировка крыла –
Имя и дата
Мира, где вечной была.
Близость заката.

Иероглифы

Голубь почтовый
Замер на миг в вышине
Строчкой из хокку.

Видимо снова
Вспомнил сейчас обо мне
Друг издалёка.

Каллиграфичны в ветвях
Кошки повадки.
Лапой царапает «мяу», -
Аристократка.

Лепесток Хэ

Бронзовое зеркало

Брошенной лодкой
Лунный качается шар –
В озере блики...

Призраком лёгким
Вздогнула чья-то душа –
Мёртвых не бойся...

Сердце споткнулось, спеша –
Злая улика...
Слышишь? Замедлила шаг
Поздняя осень...

Олег Бойко

Год уходящий

Год в винодельне.
Рисом пропахли усы,
Горечью хмеля.

Словно бездельник
С ветром играю в пасы,
Травы постель мне.

Только под утро знобить
Стало всё чаще.
В сердце всё меньше обид,
Мыслей о счастье.

Илистый берег

Илистый берег.
Время отлива легло
На сердце грустью.

Шагом имперским
В ночи ракушки легко
Давятся с хрустом.

Пусть говорливы всегда
Волны у пирса,
Но тускло светит звезда,
Глух старый писарь.

Летаргия

Тихо спит Герой, осаждённый во времени. На часах – без пятнадцати никогда. Только шелест боёв тараканьих по углам напоминает о том, что жизнь неизбежна. Кто здесь?! Половицы скрипят и скрипят, словно старый шарманщик за пыльным разбитым окном. Никого... Только Темень тарасится на бесконечную нежность, на покорность, с которой опадают цветов лепестки, разлагаясь на запах, на цвет и далёкое эхо, слышное только Герою. За шершавой стеной поднимается ветер шершавый... Медяками падает в шляпу шарманщика дождь за окном. За поросшей мохом стеной неведомой крепости спящий Герой обнимает убитого Друга: «Расскажи мне о том, что мы *тогда* победили... И больше незачем ждать... никого...» Уходящий шарманщик обернулся на окна горящего дома. Нырнул в подворотню. Искры осыпались вниз.

И не могут погаснуть в лужах последние листья...

Рис. А. Мамаенко

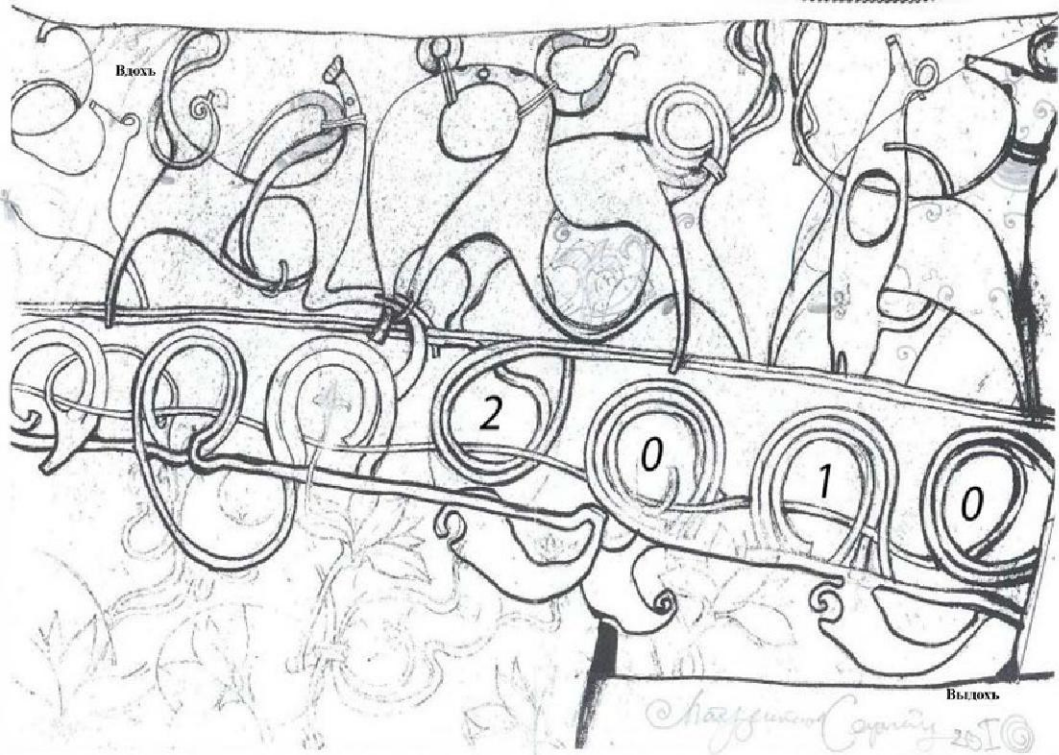
Легенда о звёздных дождях

Часы прикинулись железной дорогой. Крыша уехала, оказавшись поездом. Лишь на отчем пороге я слышу отчетливо, как она кукует, то бишь сигналист мне о том, сколько осталось времени – осталось вагон и тележка маленькая...

Значит – в погоню, до первой кассы: «У вас на крышу билет имеется?» «Только на крышу ушедшего поезда» «Давайте скорее!» «На сдачу луна и мелкие звезды. Счастливого пути на отъехавшем поезде!»

Я опять сижу, отстав от времени. В кармане надежно билет похрустывает. Билетов у меня большая коллекция. По вечерам я смотрю и плачу, как они превращаются в самолетики, становятся стаей и отлетают... А по утрам они облетают с деревьев, сбивающих звезды ветками, сообщая о том, что наступает осень, и пора прятать в депо картонное пластмассовый поезд, успевший зб лето расцвести и выцвести. Спускаться с крыши мне, погромыхивая, пора, топоча по разошедшей лестнице, как будто и впрямь под откос отправившись...

Вьюхъ

Вьюхъ

Мастерская Сиринь 2010 ©

МИНИ

Русский поэт, в отличие от китайца, или немца, не может писать большими циклами одинаковых стихотворений – тех же четверостиший: среди них обязательно проскользнет стихотворение в 2, 3, а то и в 6 строк. Поэтому проще всё вместе назвать миниатюры, - «Мини».

Владимир Наливайко

**Ворона. Сыр. Лисица. Бор.
Сюжет столетья узнаваем.
Но, почему-то, до сих пор
И каркаем, и сыр теряем.**

Гляди-ка, ведьмы мчатся, стая,
Знать пошабашить захотелось.
А что же ты, моя родная,
Сегодня дома засиделась?

Я вам отмечу, очень скромно,
Без лишних самомнений:
ВЫ ВСЕ ТАЛАНТЫ!!!

БЕЗУСЛОВНО!!!

А я – всего лишь гений.

Желанье женщины – закон!
Я с детства с этим был знаком.
Но с возрастом,

куда ж знакомее,

Что их желанья – беззаконие.

По нашим временам прекрасным
Воззрениям служи любим:

Быть можешь белым, можешь –
красным,

И, даже, просто «голубым».

Андрей Атоян

Максимы

Нет некрасивого лица,
Есть глаз слепой, а может,
спящий.

Прими глупца и мудреца,
А сердце – пусть любовь
обращает.

Безопасны дураки,
безобидны гении,
Полудурков берегись
в их остервенении.

Мне говорили: «истина в вине».
Её искал я и на самом дне,
Когда уж было выпито вино,
Я увидел всего лишь только дно.

Усвоен мной закон простой:
Коль в волчьей стае – волком вой.
А белой хочешь быть вороной?
Одно условие: с короной.

Диалектика

Когда вокруг тебя одни друзья,
То трезво оценить себя нельзя.
Когда вокруг тебя одни враги –
Утопят. Разойдутся лишь круги.

Сергей Мельников

Волновался кот

О здоровье мышки:
Брать больную в рот –
Это как-то слишком.

К Парнасу в ночь
и ясным днём

Пегасы скачут табуном.
Аркан готов.

Который мой?

Попался! Жаль опять хромой!

Бегают лошадь по полю трусцой.
Дышит она конопляной пылью.

«Фу – конопля! Фу-фу-фу –
конопля!

Ой, конопля! Ля-ля-ля, ля-ля-ля!»

Что нас ждёт, в сей жизни
бренной,

То известно только Богу.

Ты бумаги туалетной

Прихвати с собой в дорогу!

Жизнь в полосочку, как зебра...

Хитрым взглядом стережёт:

Зазеваешься и стерва

Не укусит, так лягнёт!

Рюмка водки, как страница,

А бутылка – целый том.

Разговор не состоится,

Если рюмку не нальём!

Блат, шантаж, угрозы, взятки –

Это жизни круговерть.

Наступая нам на пятки,
Не берёт на «лапу» смерть!

Мужчине не нужен
ораторский дар.

Во всём проявляйте
умеренность.

Молчанье скрывает
всегда перегар,

А вид излучает уверенность!

- Гости придут к нам, -
жене сообщил

- Я вот бутылочку водки купил.

- Милый, какая должна быть еда?

Вновь чтоб пришли, или
чтоб никогда?

Пьём пиво от жажды,
вино – на здоровье.

Коньяк – благородное
хлещет сословье.

А водку любые вкушают
утробы...

Не пейте водицу –
в ней только микробы!

Александр Олейников

Осенние зарисовки.

На озере голубом лебеди,
Они плавают в такт часам.

Качают шеями белыми:

Кто там? Что там?

Остановись,
на самой первой фразе...
Напрасно там,
на дальнем берегу
Горит костер в нирване
и экстазе,
А я вот здесь согреться не могу.

Но лился свет,
как золотистый солод,
Мне обещая радость и тепло.
... А знаешь ли,
что мне дороже холод,
Печаль зари налитая в стекло?

Пьянит свобода,
вдаль боюсь смотреть...
Молчит душа,
как горница пустая.
Ужель она успела зачерстветь,
Прошедшее с грядущим обнимая?

Быть может,
я сама тому виной,
Что к счастью прикасаюсь
мимоходом,
Лишь дорожу единственной
строкой,
Моей Россией и моим народом.

Рис. А.
Мамаенко

Это бабье лето,
как кусочек счастья,
Будто в мире этом
небыло ненастья.
Растворюсь в покое,
льдинкою растаю,
Словно книгу жизни
заново листаю...

Светлана Зобова

Разревелась, расканючилась
Осень дождиком вчера.
И пошла в садах закручивать,
Листьев желтых веера!
Не мила нам эта непогодь
Всем тепла б еще чуть-чуть...
Только где-то недалече уж
Торит зимушка свой путь.

Анна Мамаенко

*«Никто не войдет
дважды в одну реку...»
Гераклит Эфесский*

Кто-то кровь рисовал
и разрядился выстрелом...
Жил... И хуже не стал.
А мы ничего – выстояли.

Небо вокруг земли
сморщила тусклая морось.
В реку одну вошли.
А потонули – порознь...

ПОЛЁТ ЖУКА

Евгений Петропавловский

Мутант

Участник Третьей Мировой вздохнул:

- Встречай, Москва!

Стучал костыль по мостовой... И третья голова сказала первой голове:

- Смотри, братан, сюда: здесь Кремль стоял у нас в Москве, на нём была звезда. А где воронка - был собор; а дальше - Мавзолей. Там фон повышен до сих пор, идём в обход скорей...

Он пробирался меж руин, спешил, насколько мог, о трёх обличиях - один, как триединый бог... Шагая, руку опустил в карман шинели он... И вдруг - издал что было сил протяжный горький стон! И наземь пал! И зарыдал, предвидя злой исход: ведь он сегодня потерял талон на кислород... Что скажет милая жена? Что скажут сын и дочь? А жизнь у каждого - одна... Но чем семье помочь? Нет у него секретных льгот, друзей на базе нет, и запись на пять лет вперёд в родимый сельсовет...

И, скорбно сняв с груди медаль за город Вашингтон, со всех голов своих сорвал противогазы он. И пал, обняв свою беду, издав последний крик, - у всей столицы на виду - усталый фронтовик.

...Струил рентгены солнца диск; пылился ветеран... А мимо шёл, пугая крыс, огромный таракан.

Анна Мамаенко

Шаманская песня города

...А ночами поезда кричат, и дрожит Луна в пустых озерах, Суховеем сброшенная вниз, ниже дна и ниже притяженья... Дольше ветра воют поезда,

голосом ощупывая Город... Паутиной с каплями росы на окне повисло наше время - четки, чтоб молиться глубине тех озер, в которых плещет ветер желтую ордынскую Луну, полную безумием, как череп. В страшном *ПОЗАБУДУЩЕМ* году срубленную ханом Суховеем... Улицы перетекает свет... Поездов языческая песня вяжется в узоры облаков, звездными скрепляет узелками черную накидку глубины... Это ночь рождения дороги,

по которой мы уйдем на дно следом за пустыми поездами... Все виднее Лысая Гора, втянутая в ил до половины, вросшая в немую высоту черепом в короне облаков...

Конечная – «Мясокомбинат».

Я знаю, чем это кончится... Сегодня, на тайной вечере, нам были розданы роли, нас посвятили во все: в рыцари, Дон Кихоты и в их прекрасные дамки, закрыли в воздушном замке, перевели часы. Связали одной пуповиной. Вывернули карманы. Выдали звездную карту, поставили на нее замшелый неясный камень, памятник нерукотворный: «направо пойдешь – остановка. Налево пойдешь – остановка. Садись, и поедешь прямо на Мясокомбинат...

Под окнами бродит месяц. Еще немного – и брага... Мы откупорили окна и выпили целый день. Потом удила закусили, поняли, что не знакомы, решили, что не хватает, послали друг друга на... Напрасно и безнадежно. Не будет свет разморожен. Из нас любой обесточен. Любой во тьме одинок. Любой в темноте – последний, любого споткнул этот камень, любой из нас докатился на Мясокомбинат... Нас на орбиту вывели, словно с вещами на выход, словно Вийонов повесили весело встречать Новый Год. Вот так попадают в Историю вечные Белки и Стрелки. Белки, жиры, углеводы приносят стране доход...

Рис. А. Мамаенко

Ловец звёзд

Вылавливай искру, продернутую сквозь туман, как путеводная нить – проводник через чуткое ухо пространства. Слышишь разбитую полночь? Это ты обернулся назад. Ты обернулся дымным столбом над зернистой озёрностью неба. Тень твоя, расплескав зодиак, разбудила на дне водоема Рыбу с глазами зеркальными и черным влагилищем рта. Голодная Рыба ждет наступленья червей... Лови эти звезды из глаз на удочку ветра. Ветер согнулся. Черви шуршат камышами. Вниз тишина прорастает из тела исполненной роли. Ты обернулся назад. Ты увидел, как падают звезды из глубины на поверхность, попав на крючок твоей тени...

день

ночь

Игорь Васильев**Микрокосм.**

Утром он выполз из грязного подвала, где прятался от бомбардировки вместе с крысами. Он не узнал улицы.

От домов остались только остовы. От магазинов – переплетения обгорелой арматуры. У него появилось чувство, что город выпотрошили и бросили на гигантской свалке. Среди остовов иногда копошились. Это были уже не люди. Копошились крабы. Перепуганные и озлобленные. Они двигались как-то боком, семенили мелким прыгом. Иногда слышались голоса крабов. Пока ещё не забытая человеческая речь.

Он поднялся в свою квартиру. Одной стены не было. Повсюду валялись кирпичи, штукатурка и битое стекло. Хищные, острые осколки. Они пробили мягкую мебель, изорвали в клочья ковёр. Изломали и изуродовали дерево и пластик. Раковину выбросило из ванной и разбило об угол спальни. Огромные трещины на стенах казались пастями, которые вот-вот захлопнуться.

Когда-то уютная квартира стала похожа на шмаг пережёванной пищи в желудке гигантского хищника. Этот кусок скользил куда-то в хлюпающем кислом потоке.

Человек лёг в кучу битого кирпича и закрыл глаза.

Владимир Шелковников**Ночь исполнения желаний**

Как-то давненько, в какой-то денек, какого-то года, по новостям передали, что будет на все небо огромный звездопад. Но естественно все знают, что если загадать желание под падающую звезду, то оно непременно сбудется. И естественно, абсолютно все население Земли вышло на улицу, с естественным желанием иметь гектарчик-другой, где-нибудь в раю и жить там всегда. А один нищий, слепой и глухой, ничего не мог естественно знать об этом звездопаде. Так он и остался на этой земле один, как дурак, естественно.

Тайна квадратного человека

Жил на свете человек. Совершенно квадратный и тяжелый, точно дубовый шкаф с потайными дверцами, ящичками и тараканами. Был он неразговорчив и угрюм. Только иногда ворчал на детей, когда те дразнили его. Человек всегда поступал правильно, во всем был уверен и даже уперт. Не верил ни в черта, ни в бога и всегда говорил на прямоту.

Но, когда приходила ночь, он поднимался на 44 этаж своего дома, забирался на крышу и сидел там часами. Черный квадрат его неподвижной фигуры на четверть закрывал луну.

Если есть чья-то тайна, всегда найдется желающий запустить в нее свой птичий нос. Нашелся и тогда один Любопытный. Он спрятался за трубой дома, услышав тяжелое дыхание и гулкие шаги. Это шел квадратный человек по черепичной крыше. Он снял черные очки в роговой оправе, и на его квадратной ладони появилась тайна, которую он тщательно скрывал от других. Тайна же квадратного человека состояла в том, что у него была круглая душа. Легкая и светящаяся. Она перекачивалась по квадратной ладони, закрывая ее на четверть.

Но вдруг тайна вскрикнула, затрепетала и умерла. Как умирает мотылек, залетев на огонь, так умерла и тайна квадратного человека, ощутив на себе посторонний взгляд Любопытного.

Чужое око иногда подобно железным оковам.

Рис. И. Карасева

Собака

Пожилая женщина ехала в троллейбусе. Она была возбуждена, а может быть, и чем-то недовольна. Ее загорелое лицо из-под смешной зеленой панамы светилось злобой. Видимо, сегодняшний летний день для нее – одна сплошная неприятность. Женщина еле протиснулась к выходу. Кто-то пихнул ее в спину и, спускаясь по ступенькам, она бросила в толпу:

-Собака!

Переходя улицу, она чуть не попала под машину. Водителю, небритое лицо которого высунулось из окна, она, сжав кулаки, прокричала:

-Смотреть надо, собака, куда едешь!

Лицо исчезло.

Женщина поплелась дальше, бормоча что-то себе под нос. Она вошла в переулок, звеня ключами, и открыла дверь ветхого, покрывшегося мхом дома. Оттуда на нее бросилось лохматое, грязное существо. Приветливо виляя хвостом, оно так и норовило лизнуть хозяйку в нос.

-Собака, - радостно всплеснула руками женщина. – Моя собака!..

Она обняла свою собаку и, уткнувшись в ее пахнущую псиной шерсть, разрыдалась.

Андрей Атоян

Разочарование

Федякин проснулся с ощущением тревоги. Он подумал, что во всём виноват сон. Попытался вспомнить его и не смог. Встал. Включил телевизор. Но чувство беспокойства не проходило.

Он завтракал и всё думал о том, что его нервирует. Вышел на улицу. Яркое солнечное утро. Неторопливые прохожие. Дружелюбные собаки. Ни одной чёрной кошки. Федякин подозрительно вглядывался в лица и морды, светофоры и автомобили, ожидая какой-нибудь пакости. Но всё вокруг дышало покоем и тихой осенней радостью. Раздражение начало расpirать Федякина. Ожидание неприятности натянуло нервы. Он вошёл в парк, сел на скамью. Ничего. Пошёл куда глаза глядят. Однако никто его не толкнул, не обругал, и это завело ещё больше. Он сходил в кино – билеты были. Выпил пива. Холодное. Купил газету – свежая. Вернулся домой. Неприятностей не произошло, и это окончательно выбило его из себя.

Засыпал он плохо. А когда заснул, ему приснились неслучившиеся неприятности.

Рис. И. Бедросовой

Сон плодовой мушки

Эту историю поведала плодовая мушка.

Раньше она была солнечным зайчиком, он – белоустым борцом. И теперь они сняты друг дружке. Он – старик Су-Джок, в советских очках с толстыми линзами – улыбается редко: ведь во времена его детства воздушные шары падали вниз. Она – странная модель для портрета – надеюсь, благодаря внешности был счастлива: ведь каждая гусеница в душе бабочка, хоть и валится вниз.

Тише, они спят вдвоём на заплесневелом сене, а значит, их любовь уйдёт с первыми заморозками крадучись сквозь сени.

Плохо просчитано время: он – старик, она – ровесница его халата. Был бы халат верным псом, уже бы зарыли под кровохлёбки великолепным кустом. Этот халатик когда-нибудь прорастёт стариною Каннабисом. С волосами, словно мех, побитый молью. Он в подворотне, он в правлении, словно доктор добрых услуг, решит их проблемы. Взмахом руки и болью.

Старик Су-Джок ведёт расчёты: кто астрологом не был в те годы? Гадать научился на всём: по крику кукушки, полёту стрелы, «Ицзин». Сколько осталось им зим? Скажи-ка, милый Каннабис, как поёт кукушка китайца? «Ду-фу, Ду-фу!» «Ли-бо», - отвечает болотная птица. Слово «Перемена» выложено из стеблей тысячелистника, на циновке не спится.

По корейской методе, чтобы избавиться от приступа безумия, нужно три иглы загнать под ноготь, а раз так, каждая гусеница должна быть права, поедая цветок, и вечный Каннабис ухмыльнётся.

Влюблённые спят и замерзают (их любовь безобидна), она первой упорхнёт – опять просчитались. Теперь сидит на моём столе и свой сон повествует. Чтобы чаще они встречались, проросли новой завязью, прихлопнул её с болью и завистью...

Как я пишу.

Опять перестукиваюсь с дождём, что ж влажность способствует росту грибов.

За окном свежая краска пролита.

На бумаге напряженные линии спирали. Говорят мне, любимая, что ты хлам моей головы. Я, конечно же, хам, барабаню по клавишам. Промокший пейзаж, жаль, в тебе не виден храм.

Свежая память про лето.

Перестукиваюсь с дождём.

Зарисовка.

(перо, акварель, чёрный мел)

Погода гнусавит. Морщины легли гусиной лапкой на землю. Это последний снег рука об руку с дождём. Бредут. По степи, через огороды, мимо моего крыльца.

- Куда путь держите?

Селезень деловито ловит клювом снежинки, за ним ковыляет хромая курица: переваливается с боку на бок, останавливается, надеясь выковырять из глины замёрзшую таракашку. А я и мои гости стоим на крыльце и курим.

Чистый белый селезень и мокрая курица живут своей потаённой жизнью в сторону огорода, пруда и полей.

А только я стою на крыльце и машу рукою им вслед...

Символ, отчаянно зовущий...

*Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.
Пастернак Б. Л.*

Символ имя моё: я почти архи, почти тип. Нижний из двух крупнейших. В вашей жизни я эра всего лишь.

Здесь небо ясное, как мои слова. Грандиозное ископаемое небо: гнейсы, сланцы, мрамор и кварцит, лишённые чувств, образуют ядра ваших континентов.

Хватит валять дурака! В предчувствии эпохи, любимая, давай, наконец, займёмся археологией. Нам нечем заполнить твою пустоту, кроме наших детей. Без тебя нет жизни, потому что ты сама жизнь. Укрой же меня своими лесами и чувствами. Я же одену тебя в свои молитвы Тому Кто Выше Нас Всех.

Стучит по лужам серый цвет.

Теперь только так можно о главном. Моё имя – Архей.

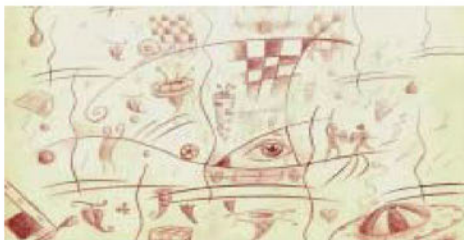

Рис. И. Кротова

Игорь Онищенко

**Моей собаке
Лайме Онищенко**

Приходили рабы Божии
на плантацию -
урожай падаличных звёзд
собирать.

Выбивали дурь
из ковров-самолётов.
Подсмотрели,
как земная курица
снесла солнце.

...За пять дней до смерти
я приду в храм дождя
кормить с ладони
подгоревшим рассветом
архангелов.

Я меняюсь крестами с
историей
Значит и вам я
брат во черве.

Дерево отряхнет листья,
оно хочет услышать
крысиный топот.
Дерево отряхнет листья,
чтобы нащупать
ветвями Бога.
Дерево помнит
откуда расти -
когда интересно.

Тамара Журавская.

Июнь (перед грозой)

Ничто не может мне
Вдруг показаться лучше,
Чем птицы белые
На фоне чёрной тучи.

Сентябрь

Каштан разбился
на краю дороги.
Вечерняя зора...
Какие же итоги?

Ноябрь.
Первый снег пошёл...
Так хорошо.

Декабрь

Лодка в волнах
качается у причала...
То ли это конец,
То ли это начало.

Выход

Я приблизилась к этой
двери.
И, как выяснилось,
напрасно.
Никому теперь не поверю,
Что стоять пред нею не
страшно.

Алексей Передерев

Узник

Крадучись шло Время, пытаюсь спрятаться за бесформенными валунами событий. Оно старалось проскользнуть незамеченным, дабы не встретиться с всевидящим оком могущественной Жизни.

И несмотря на этот великий страх, Время пришло...

Оно никогда не приходило одно, а приводило с собой еще кого-нибудь, как река, воды которой выносят на берег тину, щепки, всю грязь и мусор, оскорбляющие ее. На этот раз Время принесло отвратительное существо, покрытое липкой, зеленой слизью - Ложь.

...Он вдруг ощутил, что стал никому не нужен. Многие покинули его, забыв о клятве верности общей идее. Невыносимы были предчувствия страданий. Он уходил, спасаясь от них. Но Его нашли и, оклеветав, бросили в подземелье.

Ложь продолжала творить свои черные дела, картинно рисуясь белыми одеждами, опутывая липкой, тонкой сетью всех, кто к ней приближался. Люди жили, не замечая этих оков, и от их глаз уходил свет.

Теперь у Него не было имени, вечного, как Мир. И звали Его просто: Узник.

Его подвергали чудовищным пыткам, пытаюсь достичь одной цели - вырвать из стонущих уст признание того, чего никогда не было. Но все усилия палачей были тщетны, и Узника оставили, заковав в цепи и замуравов выход на свободу. Шли десятилетия... За ним никто не приходил, как будто Его вообще не существовало.

Сидя в крошечной тьме холодного, сырого подземелья, он думал о тех, кто жил там, наверху и когда-то поступил с ним жестоко. Мысли медленно текли сами по себе...

“Я не понимаю, как люди могут жить в таком ужасном мире? Хотя, чему я удивляюсь? Ведь они его сами построили. Я не держу зла на тех, кто еще вчера верил мне, а сегодня предал. Жаль их! Они слепцы, попавшие в тенета Лжи оттого, что не любят прямого, самого трудного пути.

Тяжела ноша Жизни, и они верят в посулы, облегчающие этот груз, избирают кривую тропку и отвратительно-мерзкого провожатого. Они лгут друг другу и даже сами себе, отравляя ядом свои и чужие души. Они купаются в море Лжи, которая одурманивает их Ум, раздувает Тщеславие и убивает Совесть. Воздают Ей хвалу, поют в Ее честь Аллилуйю!

Но невозможно убить Надежду и Веру! И я жду, что когда-нибудь люди распознают чужака. Страшным будет разоблачение!

Лишь после этого, мерзкое существо утонет в реке Времени. Но темны будут души людские до тех пор, пока не выпустят они меня на свободу. Вместе со мной придут Свет и Прозрение. И не буду я больше называться Узником - этим мрачным, мученическим словом. Они вспомнят моё настоящее имя, и в этом будет их спасение.

Ведь имя мне - Истина!"

Сергей Репешук

... Заходи-заходи! Как же – ждал, рад. Ага, и он тоже – улыбается, рад, значит. Ну, да,- и выпьем, и закусим. И уже, и ещё, и покурили, и анекдот тот же самый, и смех его такой же, как и всегда в этот день последние десять лет. А чего ж не посмеяться, анекдот и вправду хорош. Только на самом- то деле – чёрта с два ему смешно: видел я краем глаза, случайно, поймал взгляд его, тоски полный, дескать, ну хоть в этот-то раз не тяни, кончай сразу! Ведь вот он, нож-то – справа от хлебницы, взял и ... Я и сам рад бы покончить с балаганом этим, но рука тянется к солонке, а рот продолжает рассказывать очередной анекдот. До ножа я дотянусь через полчаса. Дотянусь и... как там было в протоколе? «Пятнадцать проникающих ножевых,... со смертельным исходом...» И вот так каждый год, в день рождения. Подарочек. А зачем?! Зачем мне его так?! Десять раз... Ведь он-то один раз... Меня...убил...

- Слышишь, Ты?!

Вот сейчас, выпив ещё по одной он, сморщившись (войка всё-таки!), просит отрезать хлеба... Рука моя... Медленно... тянется к ножу... и отрезает от буханки ломтик.

Евгения Белоусова

Вера.

Ты разжимаешь ладонь и выносишь лежащий на ней жалкий, пульсирующий комок на суд всему миру. Это твоя вера. Из тысяч открытых глаз красными лентами льётся на неё ненависть. Но ты не можешь иначе. Без попыток быть понятым, ты умрёшь. Твой угол стал тесен для тебя, ты уже исписал его весь странными синими знаками, рождающими желание сделать что-то по-другому? Ты лжёшь сам себе, обещая, что это в первый и последний раз. Открываясь и доставая изнутри всё по куску для других, ты никогда уже сможешь собрать всё вместе, и отпустить тебя может только вера, но её нет. Прощай...

Легенда о настоящем лентяе.

Правителю одной из восточных стран захотелось узнать, кто же самый ленивый человек, в его государстве. Поручил он это своему Главному Визiryю.

Немного подумав, Визирь обратился к Правителю:

- Это весьма сложное дело, но я полагаю, в скором времени перед Вашим Величеством будет стоять тот, кто является самым ленивым человеком в государстве. А для этого мне надо всего лишь семь дней.

Главный Визирь откланялся и вышел.

По приказу Визира в течении семи дней глашатаи созвали всех лентяев страны на центральную площадь государства, Визирь поручил землекопам вырыть в центре площади колодец шириной и глубиной семь метров. В условленный седьмой день он приказал бросить всех лентяев в колодец, а сам направился к Правителю.

- Ваше Величество, извольте лично быть свидетелем выявления настоящего ленивого человека страны.

Правитель в сопровождении Главного Визира и других высокопоставленных особ государства прибыл на площадь.

- Бросайте зажженные факелы в колодец! – приказал Главный Визирь.

Приказание Визира было выполнено мгновенно.

Вскоре из колодца стали доноситься душераздирающие крики.

- Горим! Спасите! Помогите!

Среди этих криков и стонов люди услышали чей-то тихий голос:

- За меня тоже кричите, что и я горю ...

Визирь, склонившись к колодцу, спросил:

- Кто тот, которому лень даже кричать?!

Сквозь крики и стоны прозвучал тихий голос:

- Скажи ему – это я!

Кто-то из колодца вторил его словам.

- Вот он! - закричали другие лентяи.

Визирь велел достать того из колодца.

Вскоре перед Правителем и Главным Визирем предстал высокий, худенький человек с бородой.

- Это ты самый настоящий лентяй?! – спросил его Правитель.

Человек с бородкой, обращаясь к Визiry, обронил:

- Скажи ему, это я!

Услышав ответ лентяя, Визирь посмотрел на Правителя, а тот на Визиря.

- Ты достойно выполнил мое поручение, Визирь! Этот человек, оказывается, не только лентяй, а самый ленивый лентяй нашего государства! – с довольным видом, произнес Правитель.

Иван Кротов

История о мушке поцеловавшей бога.

На берегу далёкого южного острова стоял заброшенный храм, полностью скрытый джунглями. А возле него высилась статуя каменного бога, почти не тронутая временем. Веками колосс смотрел в море, улыбаясь непонятно чему. Вокруг него шла жизнь - вились насекомые, летали быстрые птицы. Но никто из них не решался присесть на гладкую поверхность статуи, словно все чего-то боялись.

Но вот однажды маленькая мушка, спасаясь от быстрой ласточки, укрылась в гигантской ноздре каменного бога. И ничего не случилось – гигант то ли не обиделся на мушку, то ли просто не заметил её появления. Мушка осталась жива. Она радостно пропищала: «Спасибо!» и совершила неслыханное – чмокнула статую в гигантскую щёку. И снова ничего не произошло, хотя мушке и показалось, будто каменный бог смотрит на неё по-особенному благосклонно.

И, конечно, мушка рассказала обо всём своим знакомым. А те рассказали своим, и вскоре весь мушиный народ уверился в особой благосклонности каменного идола. Со временем мушки так осмелели, что стали всё своё время проводить на статуе: играть свои мушиные свадьбы, отправлять естественные надобности. Больше всего они любили сидеть в носу колосса, благо нос был большой и далеко выступающий.

Вот только не знали они, что за много веков море подточило берег, и теперь статуя каменного бога стояла на самом краю обрыва. В один ненастный день, когда дул особенно сильный ветер, все мушки, какие только были, спрятались в своём излюбленном укрытии. Их набралось так много, что они смогли перевесить статую, и с очередным порывом ветра каменный бог рухнул в море...

Рис. И. Карасева
“Бабочка и башня”

Рис. В. Калиниченко “У Реки”

Рис. А. Мамаенко

карт. А. Левченко “Полнолуние”